

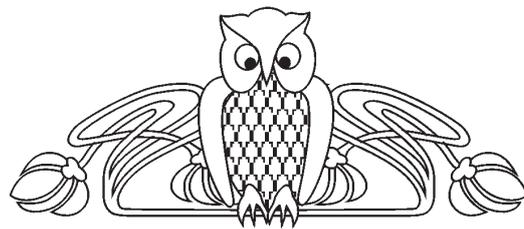

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 439–445
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 439–445
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-439-445>

Научная статья
УДК. 821.161.1.09-32+929Горький

М. Горький. «Голубая жизнь»: «серое» и «голубое» в рассказе

Т. Д. Белова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Белова Тамара Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, belovatdmit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7826-6584>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы творческой истории и концептуальный смысл малоизученного рассказа М. Горького «Голубая жизнь», последнего по времени написания в этапном цикле «Рассказы 1922–1924 годов». Опора на новые документы из биографии писателя, его переписка, имеющиеся научные комментарии позволяют уточнить лейтмотив произведения, его место в творческой биографии писателя.

Ключевые слова: М. Горький, «Рассказы 1922–1924 годов», «Голубая жизнь», Р. Роллан, быт русской провинции, интеллигенция и народ

Для цитирования: Белова Т. Д. М. Горький. «Голубая жизнь»: «серое» и «голубое» в рассказе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 439–445. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-439-445>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

M. Gorky. A Sky-blue Life: 'Grey' and 'blue' in the story

T. D. Belova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tamara D. Belova, belovatdmit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7826-6584>

Abstract. The article discusses some issues of creative history and the conceptual meaning of M. Gorky's understudied short story *A Sky-blue Life*, the last one written in the landmark cycle *Stories of 1922-1924*. Relying on new documents from the writer's biography, his correspondence and available scientific comments allow us to clarify the leitmotif of the work, its place in the writer's creative biography.

Keywords: M. Gorky, *Stories of 1922-1924*, *A Sky-blue Life*, R. Rolland, daily life of the Russian province, intelligentsia and the people

For citation: Belova T. D. M. Gorky. *A Sky-blue Life: 'Grey' and 'blue' in the story*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 439–445 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-439-445>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Историко-литературная судьба горьковского цикла «Рассказы 1922–1924 годов», созданного за границей, где писатель, не согласный с Советской властью по ряду вопросов, оказался поневоле, также драматична. Цикл не избежал замалчивания, превратных толкований в свете идеологических установок. Некоторые рассказы («Анекдот», «Репетиция») долгое время оставались вне поля зрения исследователей. В этом ряду, по существу, – и рассказ «Голубая жизнь», последний по времени написания (весна–лето 1924 г.). Занимая, по воле автора, восьмую позицию в цикле, он из-за особенностей сюжетостроения, жанрово-стилевой специфики, доминирования частной жизни – как будто выпадает из ряда произведе-

ний, тематически связанных с социокультурной проблематикой: «народ и интеллигенция», «интеллигенция и революция», «город и деревня», но в действительности это не совсем так.

Написанный по истечении почти трехлетних скитаний писателя по городам Северной Европы (Финляндия, Германия, Чехия), рассказ о жизни обитателей безымянного городка возвращает нас к русскому провинциальному быту и, действительно, связан с «окуровскими» повестями, с зарисовками замкнутого пространства: «Городок» («Заметки из дневника...»). Вместе с тем – на уровне мотивов – он вырывается на широкие пространства всемирности, среднеазиатских и европейских городов.

Знакомство с перепиской Горького этих лет, с его откровениями в письмах к Р. Роллану, Вл. Ходасевичу и другим корреспондентам создает впечатление, что эта зарисовка навеяна ощущением контрастов русского и европейского быта. В письме из Италии летом 1924 г. он сообщал: «Написал рассказ, в котором глобус, “примерное изображение земного шара”, вертясь вокруг оси, наигрывает: “Чижик, чижик, где ты был?” <...> Тут, знаете, сезон праздников, – чуть ли не ежедневно фейерверки, процессии, музыка и “ликование народа”. А – у нас? – думаю я. И – извините! – до слез, до ярости завидно и больно, и тошно...»¹. Печальные мысли о родине, о русских людях, живших «мучительно тяжело», преследовали писателя в сравнении с колоритными фигурами жизнелюбивых бургундцев, обитателей французских провинциальных городков, не поддающихся «заразе пессимизма», в произведениях французского классика, друга по переписке с 1916 г. Р. Роллана.

Не удивительно, что новый рассказ Горького, опубликованный в переводах: Е. Lo Gatto – на итальянский язык (отдельной книгой, 1925), М. Закревской – на английский – в сборнике (New Yrk, 1925) и оригинал на русском языке – М. Горький. Рассказы 1922–1924 годов. Berlin / Verlag «Kniga», 1925, а в 1931 г. – отдельной книгой на родине, в ленинградском издательстве², был замечен читателями и критикой. М. Пришвина рассказ «очень увлек», удивил «медицинский» конец, но особенное внимание привлекла «фигура Столяра», естественного и «очень читаемого черта»³. Психиатр И. Б. Галант, с особым вниманием следивший за творчеством Горького, просил у автора «подлинную» историю «болезни Миронова»⁴. Отвечая 28 ноября 1926 г. Горький написал: «Миронов “Голубой жизни” такая же “выдумка”, как и героиня “Рассказа об одном романе”». Указывая на «внешнее» сходство героя рассказа с реальным ялтинским переплетчиком, писатель пояснил: «Я не уверен, сходил ли переплетчик с ума, но думаю, что, если б Миронов выздоровел, он был бы похож на этого переплетчика. Вот и всё»⁵.

Как об «очень своеобразном и интересном» «из последних рассказов писателя» отзывался о «Голубой жизни» А. Воронский. Назвав рассказ «не лучшим» из «всего написанного Горьким», но, «пожалуй», самым «характерным»⁶, критик «Красной нови» охарактеризовал Миронова и Каллистрата как обывателей «российского Окурова», отдав предпочтение столяру, который якобы «врывается» в «размеренную сонную жизнь» и, приобщенный к типу горьковских «озорников», являет собой «неугомонный творческий дух»⁷. Миронов, застенчивый, ничего не делающий человек, и столяр «при всем их реализме символичны», воплощают «два человеческих начала: косность и озорное чудачество»⁸. Думается, Во-

ронский поспешил причислить мечтательного, начитанного сына военного топографа, бросившего вызов серой жизни и серым домам обитателей городка, к символу косности, а корыстного, хитрого мужичка Крюкова – к «озорникам» со странностями: Чехову, Блоку, Андрееву, миллионщику Бугрову и даже к «революционным типам»⁹. Смысл этих образов, при всей орнаментальности их поэтики сложнее, и сложность эта обусловлена концептуально, горьковским видением проблемы «народ и интеллигенция».

«Полускрытое неодобрение критики» 1920–1930-х гг. новых произведений Горького, рецензии, «в которых неуверенные похвалы мастерству писателя сочетались с указаниями на “неустрашимые и болезненные изъяны”», сохранилось до второй половины 1950-х гг. Е. Тагер объяснял ситуацию «реальной сложностью и противоречивостью», присущей рассказам, и тем, что «они с трудом» укладывались в «привычные, давно сложившиеся представления о Горьком», противостояли «той дидактической однозначности, которая еще нередко давала себя знать в молодой советской прозе»¹⁰. До конца 1960-х гг. рассказы рассматривались нашими исследователями только изредка. Б. Бялик одним из первых смело заявил, что мимо «Рассказов 1922–1924 годов» «нельзя пройти хотя бы потому, что она [книга] до сих пор вызывает острые споры»¹¹. Очень точно ответил горьковед «оттепельных» 1960-х тем критикам, которые «целиком “подводили” <...> писателя под известные заблуждения первых послеоктябрьских лет, и тем, которые отрицали всякую его противоречивость. <...> Противоречивым было <...> отношение писателя к перспективам революции. <...> На всем, что тогда писал Горький, лежала черная тень угрозы нового средневековья, наступления длительного господства открытого, агрессивного, разнузданного зла»¹².

Лишь в самом конце XX – начале XXI столетия наметился интерес к названному циклу, что дало основание Н. Лейдерману в 2008 г. опубликовать статью «Непрочитанный Горький», предпослав эпитафию: «Едва ли не самый неизвестный писатель»¹³. Работы Е. Белоусовой¹⁴, В. Воронина и М. Дьяковой¹⁵, Т. Пшеничнюк¹⁶, обратившихся к «непрочитанному» рассказу «Голубая жизнь», подтверждают справедливость замечания Н. Примочкиной о том, что, «оставаясь реалистом», Горький обратился «к творческому опыту модернистов», используя «отдельные элементы символистского искусства»¹⁷. Интересную версию толкования смысла и поэтики рассказа предложили В. Воронин и М. Дьякова, отметив как существенное в нем – отражение «турбулентной истории России», не поддающейся программированию, и ее перспективу в виде бунта тишайших против «неподходящих богов, отождествленных с чертами и сумасшедшими, и утверждения ново-

го Бога, ко всему тому, чем была богата Россия XX века»¹⁸. Поспешным представляется мнение, будто «Голубая жизнь» – «пародийная стилизация, осуществленная средствами гротеска. Окарикатурены не только образ лесоторговца Розанова – «монумента» старой культуры, но и Миронова, его сознание, как новое, чем был модернизм рубежа веков»¹⁹. Авторская интонация, мера и степень использования писателем «отдельных элементов» символистского искусства и рассказ этот до сих пор нуждаются в уточнениях, выявлении скрытых смыслов его содержания, что, собственно, и составляет *цель* настоящей работы.

Принципиально важно выявление некоторых обстоятельств из истории замысла и написания рассказа: факт заграничного бытия «обманутого» писателя, оказавшегося в негласной эмиграции; тон и многоаспектность его переписки с Р. Ролланом и другими корреспондентами, а также отголоски фактов в жизни будущего писателя, функции авторского «я» в этом рассказе – отказ повествователя от авторства в пользу доктора А. Алексина, который «рассказал <...> историю этой болезни» (XVII, 518). Правда, время до болезни и путь к ней, этапы духовного роста героя, изображенные хотя и пунктирно, но с такой обстоятельностью в обрисовке бытовых и иных деталей, в атмосфере четко обозначенной антитезы серого и голубого в первых строках рассказа, что невольно возникла параллель условий жизни Константина Миронова с Алешей Пешковым («В людях»). Там лирический герой также, не принимая «пустую, постную» жизнь в родном городе, с его «оврагами» и «грязными дамбами для мусора», думает о европейских городах: Праге, Лондоне, Париже, где «прямые, широкие улицы, иные дома и церкви» (XV, 350–351). Герою рассказа переадресована авторская любовь к чтению романов французских писателей, способность чувствовать себя «участником жизни необыкновенной, она сладко волнует, возбуждая бодрость» (XV, 354). Близкое ощущение пережил писатель в январе 1923 г., написав Р. Роллану: «Сейчас кончил читать “Кола Брюньона” в петербургском издании “Всемирной литературы”. Какую прекрасную книгу сделали Вы, дорогой друг! <...> Я читал ее, смеялся, почти плакал от радости и думал: как своевременна эта яркая, веселая книга во дни всеобщего смятения духа, в эти дни темного безумия и злобы»²⁰. О печальной усталости души, которая «несравнимо хуже туберкулеза», писал он Роллану и вскоре после отъезда за границу (20. 13, 264).

Скитания автора «Голубой жизни» вдали от родины и народа, который он знал «со дна и до высот аристократии, духовной, сословной» (20. 15, 96), его переживания за судьбу страны оказались созвучными состоянию «разодранной» души героя, его памяти, «спутанной, встревоженной» пережитым, и общий цветовой фон повествова-

ния об унылом родном пространстве с пыльными серыми улицами, серыми домами, «пыльной сетью листвы», «пыльным воздухом» и «оловянной полосой реки» – на фоне непостижимо чистого голубого неба, выметенного ветром, освобожденного от «дымчатых ключев облаков» (XVII, 464, 465). Как символ скитальчества введен, думается, образ самодельного глобуса и мотив на тему чижика-спутника писателя с 1890-х гг. («Сказка о Чиже...»), горько-иронический напев: «Чижик, чижик, где ты был?». О нем Горький не раз вспоминал в письмах к соотечественникам (20. 17, 187).

Свою роль в рождении замысла рассказа, по всей вероятности, сыграли вести с родины об «индексе контрреволюционных книг», составленном Н. Крупской, куда входили «труды Платона, Декарта, Канта, <...> Евангелие, Талмуд, Метерлинка, <...> Л. Толстого», подлежащие изъятию «из библиотек, обслуживающих массового читателя». Об этом факте с болью и гневом писал Горький Вл. Ходасевичу (ноябрь 1923) и Р. Роллану (январь 1924) г. (20.14, 266, 286). Сознывая еще в 1918 г., что Ленин – «единственный человек», способный «остановить процесс развития стихийной анархии в массах крестьян и солдат», Горький начала 1920-х гг. решительно не принимал «русскую, мужицкую веру» вождя «в необходимость “упростить” жизнь», его борьбу «против русского анархизма», принявшую «характер борьбы против культуры» (20. 14, 287). А главное – усомнился он в людях, сменивших Ленина у власти, не обладающих «ни дальновидностью, ни азиатской гибкостью этого человека», препятствующих «той силе критики, которая создает новые социальные гипотезы» (20. 14, 287). Именно в эти месяцы после смерти Ленина шла интенсивная работа над рассказом «Голубая жизнь», художественно воплотившим антитезу русской жизни периода «военного коммунизма», идею краха «великой иллюзии», что определило необычно сложную игровую, закомуфлированную форму.

Известным ключом к разгадке лейтмотива в рассказе может послужить письмо Горького к В. Каверину (15 января 1924 г.), одному из опекаемых «серапионовых братьев». Развивая тему писательского ремесла, «быта», «бытовизма», называя и себя «бытовиком», Горький рекомендовал рассматривать «быт» «как фон, на котором запечатлена картина жизни, и как материал, с которым автор обращается «совершенно свободно» (20. 14, 292). Призывая молодого собрата по цеху «не бояться быта» и не «отрицать его», имея задатки «превратить *тяжелое бытовое в прекрасную фантазию*» (курсив мой. – Т. Б.), автор письма в заключение написал: «Я думаю, что пришла пора немножко и дружески посмеяться над людьми и над хаосом, устроенным ими на том месте, где давно пора играть легкой

и веселой жизни. Мы достаточно умны для того, чтобы жить лучше, чем живем, и достаточно много страдали, чтоб иметь право смеяться над собой» (20. 14, 292).

Мысли и настроения, выраженные М. Горьким в этих и многих других письмах этого времени, помогают предположить о более глубоком и масштабном замысле писателя отобразить в частном факте вмешательства одного субъекта в личную жизнь другого – из благих как будто побуждений – более масштабную драму в жизни общества и даже государства с его полноправными «чрезвычайками». Целостное осмысление рассказа «Голубая жизнь» строится отнюдь не на акценте «необычайной сложности и в высшей степени противоречивости» Горького. Тезис, идущий от Ив. Бунина, К. Бальмонта, Вл. Ходасевича²¹, в наше время – от П. Басинского²² и других, будто Горький – это «вихрь самых разнообразных, порой несоединимых идей в жизненных взглядах... и, <...> в творимой им художественной форме»²³ – не приближает, а лишь уводит нас от понимания драмы писателя и глубинного смысла горьковских произведений тех сложных лет. «Мир писателя в конечном счете един» (В. А. Келдыш)²⁴. Вряд ли приемлема однозначная оценка главного героя рассказа как «вялого созерцателя», как «объекта забот и опеки столяра Каллистрата», игра которого «чужой жизнью вовсе не направлена на уничтожение, а скорее – наоборот, затевается во благо человека»²⁵.

Наметившиеся в осмыслении рассказа различия правомерны, но не всегда оправданны и, как правило, вызваны недооценкой мировоззренческого фактора, особенностей эстетической концепции писателя-гуманиста и – преимущественно – романтика. В этом цикле особенно ярко проявилось его давнее убеждение в том, что люди пестры: нет сплошь белых, как и черных сплошь. Отсюда особенный интерес писателя к пестрым характерам, как «пестроте» разрушающей, так и к «пестроте» полифонической (В. Келдыш). В произведениях начала 1920-х гг. образ «пестрой души» стал «основным художественным завоеванием писателя», нуждающегося в пересмотре «традиционных представлений»²⁶.

Ассоциативно название рассказа «Голубая жизнь» восходит к романтизму с его философией идеальной жизни. Именно такой представлялась таинственная жизнь в Париже начитанному Константину Миронову, с детских лет осознавшему прелесть голубого неба, голубой музыки, празднично голубой Лизы Розановой, но на этом пути возник неприветливый Иван Иванович Розанов, суровый защитник привычного серого цвета с метлой в руках, и озорник Каллистрат с ведерком дегтя у окрашенного голубого фронтона, который днем «масляно лоснился на солнце и ласкал глаз своим спокойным синеватым цветом» (XVII, 476). Их специфически обозначенный поединок

определил динамику сюжета, в основе которого – доминанта столяра, устроителя всевозможных кавардаков, свадеб, любителя сытных обедов с обязательными грибочками, пирогами и водкой, «настоянной на рябине». Противостоящий ему адепт жизнь в полной тишине, необходимой для погружения в «бесконечную думу», когда «земля и все на ней» поднимается «беспредельно вверх», рождая музыку «тихого полета», певучего подъема земли к звездам и с ними все выше...» к необыкновенно ласковому существу (XVII, 487), оказывается бессильным в защите своего идеала... Такова трагедия противостояния практицизма и мечтательности, серого – голубому.

Разновидность ее в рассказе о повседневности провинциального русского быта явлена в драматической судьбе семьи Мироновых как симбиоз интеллигентности «необыкновенного» во всем отца, военного топографа в отставке, и кондовой мешанки с красивым именем Лидия. Отдав когда-то предпочтение ироничному офицеру более низкого ранга, она не сумела принять философию жизни, духовный мир своего избранника. «Вахналия» ее сердца, годами убивавшая любовь, отступила лишь в час смерти мужа, чтобы «жутко» пробормотать: «Вот, Митя, вот... Я говорила...» (XVII, 470), а затем поглотить все ее существо. Их осиротевший сын – плод разорванного домашнего мира, где музыка, интересные рассказы о военных походах, ином мире, фанатичная любовь матери к чистоте подавлялись бранью полупьяной, часто раздраженной женщины с грязной тряпкой в руках. Пестрый морально-психологически быт Мироновых определил пестроту духовного мира Константина, его тяготение к необыкновенному и слабость попыток отстаивать свою мечту.

Таким же пестрым, разорванным оказывается время в рассказе. Непосредственно текущее ограничено несколькими весенне-летними днями после похорон матери. Более десяти предыдущих лет в жизни героя встают в форме сбивчивых воспоминаний героя, прорисованы пунктирно, с импрессионистической недоговоренностью о семейных сценах в доме. Именно тогда рядом с отцом в саду под «обильно цветущей» липой мальчик «испытал одно из тех навсегда памятных впечатлений, которые формируют душу человека» (курсив мой. – Т. Б.). Он услышал гудение пчел в листве липы и пение жаворонка в «голубой пустоте» небес (XVII, 470). Отсюда интерес к миру природы, любовь подростка к одиноким прогулкам «в поле, в лесу», где торжествует «пение птиц, шелест трав и листвы, странные шёпоты ветра» (XVII, 471).

Не сумевший разобраться в тайнах взрослых и сути домашних историй, юный Миронов, «начал читать книги»: они рассказали ему, что есть другие «более интересные <...> тайны», «другая, легкая, праздничная жизнь». Тогда-то и «возник в голубом тумане восхищения чудес-

ный город Париж» (XVII, 470). В этом близость и отличие Константина от деятельной героини роллановского романа («Очарованная душа»), которая смогла преодолеть постигшее ее одиночество, предательство, враждебное отношение парижского общества и бросить «вызов богу!». Константин, как русский вариант сироты, подавлен цепью хитросплетений коварного столяра Крюкова. Пережив мастерски воспроизведенное «временное несчастье» в лечебнице для душевно больных, герой сумел вырваться из замкнутого обывательского мирка с его беззаконием и обрести покой в городе у моря, заняться восстановлением томов символического «Дон-Кихота», с особым предпочтением – французских книг, нашедших и здесь свое место.

Отрезок жизни Константина Миронова, опутанного замыслами, бесцеремонными вмешательствами столяра, воспроизведен писателем в блистательных диалогах, остросюжетном повествовании, где комическое, трагическое и драматическое с примесью мистического обретает глубоко символическое наполнение. Синтез реального, бытового и ирреального, вневременного, связанного с образами полета, неуловимого скольжения столяра вниз, и воображаемого: полета фантазии Миронова к источнику опьяняющей музыки – богу «Саваофу на золотом троне», олицетворяет исход поединка Всевышнего с дьявольскими происками, вынудившими, подобно богам «земных храмов», отказаться от людей, уступив место другому, «насмешливо испытывающему» озорнику, «вроде дьявола» (XVII, 487). Это фантазмагорическое по сути авторское видение реальной жизни на земле постревольюционного времени шифруется в стиле мотивов модернистского запредельного мира, низвергнувших вниз девственника, ослепленного образом «нагой женщины», преломленной в «женщину надзвездных высот» (XVI, 487).

Внедрившийся в мир фантазий Миронова сосед-столяр постепенно поглощает его, как рыжая лиса в сновидениях героя, слизывающая звезды с неба. Образ столяра с говорящей фамилией Крюков, рабочего или ремесленника многозначен, отражает ситуацию гонения на интеллигенцию в стране. Имя Каллистрат – древнегреческого происхождения – «красивый воин», обладающий рядом достоинств, но по нумерологическому ряду означает стремление быть «в центре внимания», «подчинить себе другого», быть выше всех окружающих его людей, упорным в достижении поставленных целей²⁷. Что подтверждается его появлением во время похорон Лидии Мироновой. А также – в субботний вечер, когда одинокий Константин сидел у окна, наблюдая за происходящим и, в частности, за картиной символического переезда девушки «в красной кофте и белом платке...» в телеге, нагруженной «серыми узлами... матрасами, цветами в кадках» (XVII, 473).

Слова старичка, шагнувшего рядом с «толстоногой лошастью»: «А – куда пойдешь? Кому скажешь?», прозвучавшие как знак бездомности и смирения перед чьим-то произволом, служат преамбулой к появлению слесаря, идущего следом за телегой рядом с возчиком лесного склада. «Коренастый, тяжелый, как медведь», Артамон обликом напоминает пастуха Борцова («Заметки из дневника»). Рядом с богатырем мужиком «тонкий, стройный столяр Каллистрат, босый, в переднике, выпачканном охрой и краской» (XVII, 473) выглядит контрастно. Славянскую внешность горожанина отличают сказочно светлые курчавые волосы в ремennom темном венчике. Но «ястребинный нос» и «острая медная бородка», накручиваемая на палец – из ряда чего-то предостерегающего, прицельного. В тот вечер столяр как бы между прочим обратился к Миронову со словами: «Скука». А Миронов закрыл глаза, отгородившись от вторжения извне. Вялый протест юноши вдохновляет столяра на более решительное вмешательство в его жизнь.

Справедливости ради надо отметить авторское стремление показать готовность Константина к действию. Мечтательному юноше, тайно влюбленному в «голубую девушку», удастся найти несговорчивого старика-маляра, чтобы обновить мрачный коричневый фасад дома, покрасить его голубой краской. Не знал он, что его попытка украсить дом обернется цепью неприятностей, почти убивших надежду на счастье вдвоем, и укрепит позиции Каллистрата. Испортив работу маляра, обезобразив фронтоны разноцветными контурами не то рыбы, не то овцы, озорник столяр обвинил Миронова в посягательстве на чудачество, прямо заявив о своей диктатуре: «Чудить умеют только двое: я да черт...» (XVII 478). В этом слиянии реального и метафизического – свидетельство того, что образ черта, появившийся в ранних произведениях Горького («О черте», «Еще о черте», «Публика» и т.д.) как символ мудрости, «беспощадного знания» (VI, 349), борьбы с самонадеянностью некоторых собратьев по перу, с адептами закона: «Порядок только для меня!», трансформировал, тяготеет к условному Серому («О Сером»), к теплой, сытой, уютной жизни и символическому Черному с его жаждой власти над людьми, которые «служили бы только ему» (VI, 292). Это дьявольское начало зеленоглазого Каллистрата отчетливо проявляется в его отношениях с Артамоном. Приручив мужика, сделал «его своей собакой» (XVII, 509), горожанин использует его силу в корыстных интересах, как защиту для своего озорства и для осуществления своих далеко идущих планов.

Дьявольский расчет лежит в основе сближения Крюкова с осиротевшим хозяином крепкого дома. Не удивительно, что вскоре, как полномочный родственник юного домовладельца, столяр по-хозяйски осматривал комнаты, «нахально

ткнув кулаком в постель», потребовал показать глобус и уверенно изрек: «Тут не “Чижика” надо, а, например, “Господи помилуй”» (XVII, 499). Таким образом, «естественный и очень читаемый черт» (М. Пришвин) (XVII, 624) в «Голубой жизни» отнюдь не «плод больного воображения героя, воплощение ужаса, житейской пошлости и обыденности», «дьявол пустяков, кутерьмы и кавардака», и не «метафора озорного мироощущения, заключающая в себе мысль о сверхчеловеческой творческой силе смеха, способного оживлять вещи»²⁸. Это порождение нового мира хозяев жизни с их жаждой власти над человеком с задатками интеллигента.

Важна в рассказе и сюжетная линия человека из деревни – Артамона. Она не ограничивается вспомогательной ролью в раскрытии характера столяра. И, думается, введена автором нашумевшей статьи «О русском крестьянстве» (1922 г.) для корректировки концептуальной темы «город и деревня». Здесь акцент сделан на выявлении не столько покорности мужика, его физической силы и изъянов речи, сколько на обнажении ловкости в косьбе, умении работать в саду, лечить яблони, а также – на его миролюбии, способности проникнуться добрыми чувствами к молодому горожанину. «Да ты не бойся меня, я к тебе ласковый <...> Экие вы все какие...», – говорил он растерянному Миронову (XVII, 493). Неожиданно в бывшем цирковом борце рассудительное суждение о горожанах: «не силой живут, – хитростью» (XVII, 493). Из размышлений удивленного Константина становится ясно, что «горожане относятся к мужикам со смешанным чувством презрения и вражды; также к ним относились отец, мать, это чувство с детства было привито и ему, но Артамон возбуждал в нем только удивление <...> и некую неясную надежду» привлечь его на свою сторону (XVII, 494). Этот аспект в решении крестьянской темы получит развернутое воплощение в эпизоде проводов крестьян на русско-японскую войну в повести «Жизнь Клима Самгина» (XXII, 498–500).

Наполнив и расцветив рассказ оригинальным сюжетом, комплексом тем и мотивов, тонкими зарисовками психологических состояний героя, богато расцвеченными бытовыми и социокультурными, пейзажными картинками, образной системой, музыкой слов, плотно подогнанных друг к другу, и игровыми приемами, автор преследовал главную задачу – обнажить свою устойчивую концепцию чистой, светлой, свободной жизни, опозитивировать то, что «украшает действительность», осмеять то, что несовместимо с идеей торжества на земле разумной, справедливой и красивой жизни; развенчать изъяны русского провинциального быта, где торжествуют Розановы и Каллистраты Крюковы, хранители серого, любители всякого «кавардака». Символический

образ Парижа, где, по представлению героя, «живут благородные люди, никто из них не лезет насильно в чужой дом...» (XVII, 501), будет воспет в «Жизни Клима Самгина» устами не только заглавного героя, восторженной Любы Сомовой, но и плотником Осипом, которого жизнь в Париже научила **думать** (XXIV, 442). Рассказ Горького «Голубая жизнь» несет в себе скрытые смыслы итоговой книги писателя. Об устойчивости концепции автора свидетельствует его настойчивость конца 1920-х – начала 1930-х гг. в деле открытия в Советском Союзе журнала «За рубежом», адресованного массам, «партийному “арьергарду”».

Примечания

- ¹ Горький М. Полн. собр. соч. Письма : в 24 т. Т. 15. М. : Наука, 2012. С. 31.
- ² Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения : в 25 т. 1968–1976. Т. 17. М. : Наука. 1973. С. 623.
- ³ М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка / ред. И. С. Зильберштейн, Е. Б. Тагер ; вступ. ст. Л. И. Тимофеева. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 330. (Литературное наследство. Т. 70).
- ⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения : в 25 т. Т. 17. С. 624. Дальше ссылки на художественные произведения Горького даются по этому изданию с указанием в скобках тома римскими и страницы арабскими цифрами.
- ⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Письма : в 24 т. Т. 16. М. : Наука, 2013. С. 184.
- ⁶ Воронский А. О Горьком (М. Горький. Собр. соч. Т. XVI, XVII, XVIII, XIX) // Воронский А. Литературно-критические статьи. М. : Советский писатель. 1963. С. 373.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 374.
- ¹⁰ Тагер Е. М. Горький // История русской советской литературы : в 4 т. Т. 1. М. : Наука, 1967. С. 217–218, 233.
- ¹¹ Бялик Б. Судьба Максима Горького. М. : Художественная литература, 1968. С. 285.
- ¹² Там же. С. 293–294.
- ¹³ Лейдерман Н. Непрочитанный Горький // Урал. 2008. № 7. URL: <http://magazines.gorky.media/ural/2008/7/nerochitannyy-gorkiy/html> (дата обращения: 27.04.2021).
- ¹⁴ См.: Белоусова Е. О роли фольклорно-мифологических элементов в стиле М. Горького («Голубая жизнь») // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 6 (260). Филология. Искусствоведение. Вып. 64. С. 26.
- ¹⁵ См.: Воронин В., Дьякова М. Законы фантазии и абсурд в рассказе М. Горького «Голубая жизнь» // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2 (21) : в 3 ч. Ч. 3. С. 34–36.
- ¹⁶ См.: Пшеничнюк Т. М. Горький. «Голубая жизнь» (Проблемы синтетизма) // Максим Горький и лите-

- ратурные искания XX столетия. Горьковские чтения 2002 год : материалы Междунар. конф. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2004. С. 149–155.
- ¹⁷ Примочкина Н. К вопросу о новаторстве Горького-художника (Первая половина 1920-х гг.) // Максим Горький : взгляд из XXI века. Горьковские юбилейные чтения 2008 года : материалы Междунар. конф. (Москва, 2008 г.). М., 2010. С. 75–83.
- ¹⁸ Воронин В., Дьякова. Указ. соч. С. 34.
- ¹⁹ Пшеничнюк Т. Указ соч. С. 152.
- ²⁰ Горький М. Полн. собр. соч. Письма : в 24 т. Т. 14. М. : Наука. 2009. С. 125. Далее ссылки на письма Горького даются по этому изданию с указанием в скобках порядкового номера, тома и страницы арабскими цифрами.
- ²¹ См.: Ходасевич Вл. Воспоминания о Горьком. М. : Правда, 1989.
- ²² См.: Басинский П. Максим Горький // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. С. 536–537.
- ²³ Белоусова Е. Указ. соч. С. 26.
- ²⁴ Келдыш В. О ценностных ориентирах в творчестве М. Горького // Келдыш В. О «серебряном веке» русской литературы : Общие закономерности. Проблемы прозы. М. : ИМЛИ РАН, 2010. С. 168.
- ²⁵ Лейдерман Н. Указ соч.
- ²⁶ Келдыш В. Указ. соч. С. 167–168, 169.
- ²⁷ Каллистрат, нумерология имени. URL: <http://names.neolove.ru/name/10/1051.html> (дата обращения: 12.07.2021).
- ²⁸ Пшеничнюк Т. Указ. соч. С. 150.

Поступила в редакцию 07.08.2021, после рецензирования 26.08.2021, принята к публикации 01.09.2021
Received 07.08.2021, revised 26.08.2021, accepted 01.09.2021